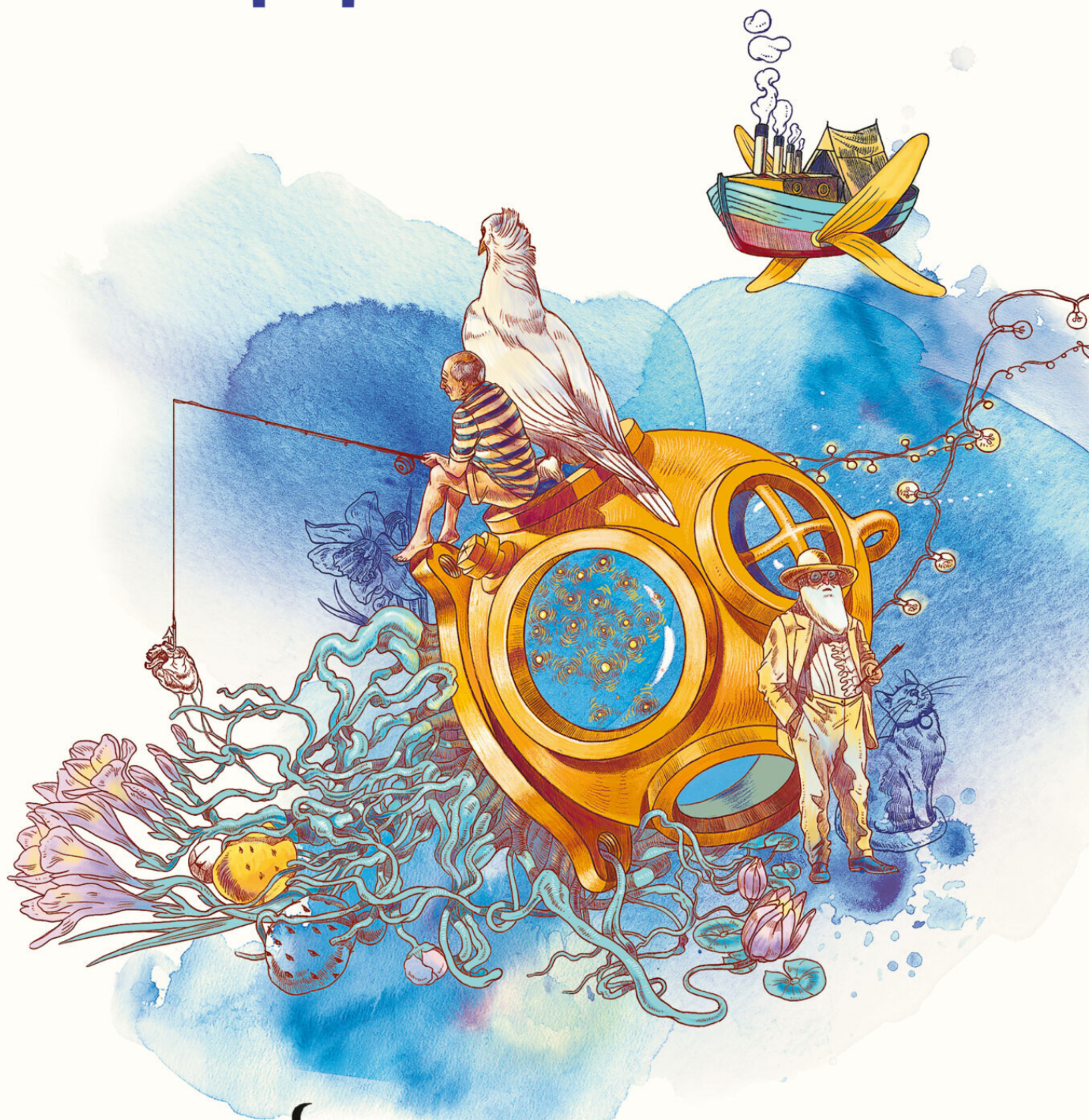


Натали Ратковски

# ХУДОЖНИК



{ Как живут, мыслят и работают  
творческие люди

МИФ Арт

Натали Ратковски

**Художник. Как живут, мыслят  
и работают творческие люди**

«Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»

2021

УДК 766:655 (084.1)  
ББК 85.15

**Ратковски Н.**

Художник. Как живут, мыслят и работают творческие люди  
/ Н. Ратковски — «Манн, Иванов и Фербер (МИФ)»,  
2021 — (МИФ Арт)

ISBN 978-5-00-169315-4

Натали Ратковски – успешный художник-иллюстратор, дизайнер, автор ряда бестселлеров и художественных проектов – провела серию интервью с современными художниками: что они думают о своей профессии, как пришли в нее, как живут, как работают и зарабатывают, как добиваются известности и востребованности. Из мозаики ответов сложилась весьма разносторонняя картина. Эта книга для тех, кто хотел бы стать художником, кому интересна изнанка творческой жизни не только в России, но и в Европе. Для тех, кто нуждается в признании, эмоциональной поддержке и практических советах.

УДК 766:655 (084.1)  
ББК 85.15

ISBN 978-5-00-169315-4

© Ратковски Н., 2021  
© Манн, Иванов и Фербер  
(МИФ), 2021

## Содержание

Что стоит знать об этой книге	6
1. Художник – это кто?	8
У истоков культа художника	8
Художник – это звучит гордо	15
2. Как становятся художниками?	22
Больной вопрос, или Нужно ли образование?	22
Антислово «самоучка»	31
Антислово «академизм»	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# **Натали Ратковски**

## **Художник. Как живут, мыслят и работают творческие люди**

*Автор иллюстраций на обложке и титульных страницах книги – Натали Ратковски.*

*Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.*

© Натали Ратковски, 2021

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2021



*Посвящается моей любимой и талантливой маме*





## Что стоит знать об этой книге

«Художник» – моя четвёртая книга. В её основу легли своего рода социологические исследования с участием многих людей. Здесь были как полноценные интервью с персонами мирового масштаба, которые я брала в их студиях и мастерских в разных странах, так и неформальные разговоры с коллегами, знакомыми и друзьями – их я лишь коротко фиксировала в блокноте и использовала, когда пришло время.

Достучаться до знаменитостей было не так просто, как кажется. Некоторые художники, к которым я многократно обращалась с просьбой об интервью, просто молчали – ставили на игнор, как сейчас принято говорить. Другие отменяли запланированные встречи, хотя на кону стояли большие затраты на поездку для меня и фотографа Тетьяны Люкс. Были и те, кто встречал нас с распростёртыми объятиями, окружал заботой и с большим пониманием относился к нашей работе. Мне приходилось переживать целый шквал эмоций от щенячьей радости до разочарования.

В предвкушении встречи я запрыгивала в трогаящийся поезд, проводила десятки часов за рулём автомобиля, вглядываясь в заснеженную автостраду, или летела в самолёте из зимы в лето, чтобы добраться к художникам и вывести их тайны.

Приходилось быть человеком-оркестром. Я писала и звонила художникам, их агентам, галеристам или издателям. Договаривалась о встрече, иногда долго уговаривала или получала аудиенцию благодаря знакомым знакомых – мир действительно тесен. Параллельно координировала работу всех участников, включая фотографа, детально планировала всё вплоть до нужных ракурсов на фотографиях, думала не только о том, как и куда добраться, но и о бытовых вопросах вроде еды и ночлега. При этом мне нужно было держать в голове всю структуру книги и тщательно готовиться к интервью, чтобы сберечь чужое время. Многие часы интервью, записанные на диктофон, требовалось застенографировать, грамотно переформулировать и послать на утверждение, которое влекло за собой ещё несколько этапов правок. При этом интервью были лишь малой частью материала для этой книги. Иногда мне просто не верится, что я это сделала, – настолько непреодолимыми казались порой преграды.

К сожалению, пока я работала над этой книгой, в моей семье произошли ряд трагедий, которые перевернули и бесповоротно изменили мою жизнь.

За время работы над книгой изменился и окружающий мир. Например, отношение к художникам стало иным. Нас перестали бояться и стали больше уважать. Многие деятели мира искусства стали активно выступать за большую прозрачность творческого рынка, требовать перемен. Актуальными стали проблема гендерной дискриминации, вопросы совмещения семьи и творчества, а классическая школа рисунка стала вновь набирать популярность.

В процессе я стала связующим звеном между самыми разными людьми, которые пришли к успеху через многочисленные победы и поражения. Не всё в их жизни было так гладко, как я предполагала. Но именно это и даёт нам силы: понимание, что не боги горшки обжигают.

Здесь нет исчерпывающих сведений о личной жизни творческих людей и о всех возможных техниках работы. Я рассказываю о наболевшем, о необходимом в работе творческого человека, об опыте отдельно взятых людей, которые не оставили меня равнодушной.

Надеюсь, книга поможет сориентироваться в запутанном мире творчества, позволит понять, как живут творческие люди, как можно обустроить своё рабочее место, какую изобразительную технику выбрать, как формировать цены за свою работу и, наконец, как совместить семью и работу и уверенно двигаться к своей мечте.

***Желаю вам радости и вдохновения!***



Художник-иллюстратор, дизайнер и автор книг о творчестве Натали Ратковски. Фото: Тетьяна Люкс

## 1. Художник – это кто?

*Нет искусства без переживания.*  
**К. С. Станиславский (1863–1938)**



### У истоков культа художника

Мне посчастливилось родиться в творческой семье. Однако именно я первой среди родных стала профессиональным художником-иллюстратором, живущим плодами своего творчества. Тем не менее только в последние годы я говорю с гордостью о том, из какой семьи родом. Я умалчивала об этом факте,



с одной стороны, потому что на определённом этапе взросления осознала, что мы не богема, а среди настоящих художников было модно ею считаться. С другой стороны, потому что нас могли счесть богемой. Ведь о художниках ходили самые мрачные слухи.

## Отношение к художнику в разные времена

Многие считают, что в дурной славе нашего «сословия» виноваты мы сами. История искусства разных эпох полна печальных примеров: пристрастием к алкоголю отличались, в частности, Караваджо, Анри де Тулуз-Лотрек, Джексон Поллок; наркотики были прямой или косвенной причиной смерти Жан-Мишеля Баския, Александра Маккуина.

Можно оправдывать художников и говорить, что эксцессы в их жизни помогли сформировать непревзойдённую творческую личность. Однако сотни талантливых художников прошлого и настоящего, в жизни которых обошлось без экстремальных всплесков, подтверждают обратное.

Тициан Вечеллио (Tiziano Vecellio, 1488/1490–1576) громко именовался князем всех художников и пользовался безграничным уважением великих мира сего. По легенде, когда Тициан писал портрет великого Карла V, он нечаянно уронил кисть, и повелитель мира вскочил, чтобы подать её живописцу. Император безгранично обожал Тициана. Он был постоянным заказчиком художника, возвёл в графы, посвятил в рыцари ордена Золотого руна. Завистливые придворные не могли сдерживать негодования и порой даже высказывали своё недовольство могучему правителю. На что тот нетерпеливо отмахивался: «Да, мне подвластно сотворение графов и герцогов, но только не второго Тициана!»<sup>1</sup>

Леонардо да Винчи, Софонисба Ангуиссола, Микеланджело Буонаротти, Артемизия Джентилески, Сандро Боттичелли, Рафаэль и сотни других мастеров прошлого, даже имея весьма тяжёлую судьбу, были любимцами публики и весьма уважаемыми членами общества. При этом и нищета, и злоупотребления спиртным или наркотиками среди художников были скорее исключением из правил.

Многие забыли, что богемный образ жизни – сравнительно молодая модель социального поведения, которая пришла от парижских художников, писателей и музыкантов лишь в XIX веке. Тем не менее образ нищего бесшабашного художника с бокалом абсента, страдающего от жизненных невзгод, прописался на подкорке у целого поколения людей на всём земном шаре. Художников стали считать неимущей, сумасбродной и настолько малоуважаемой прослойкой общества, что лишь нашему поколению, причём сравнительно недавно, удалось восстановить веру в творческих людей.

«Начало конца» случилось ещё с Французской буржуазной революцией 1789 года, от которой в истории искусства принято вести отсчёт эпохи модернизма. Время, когда во всём мире пошатнулись привычные устои общества. Важные заказчики и покровители творческого человека – церковь и знать – утратили своё влияние и частично лишились средств. Потом последовали Промышленная революция и индустриализация. Они настолько изменили общественное сознание, что единое представление о том, что называть искусством, в чём его цель и какую роль художник занимает в обществе, постепенно исчезло<sup>2</sup>. Это имело большие последствия для статуса и достатка художника.

Одни стали считать, что искусство обязано стоять на службе общества и должно быть моральной и нравственной оппозицией. Другие придерживались мнения, что оно должно обра-

---

<sup>1</sup> Kent G. Tizian – der Malerfürst von Venedig // Das große Reader's Digest Jugendbuch, 1969, Nr. 10.

<sup>2</sup> Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе / под. ред. Ю. А. Здорова. М.: Медиум, 1996.

зовывать и воспитывать вкус. Третьи по-прежнему считали искусство ремеслом. Четвёртые полагали, что только искусство ради искусства имеет смысл.

### **Ключевая позиция: искусство ради искусства**

Кто бы мог подумать, что именно искусство ради искусства наши современники станут рассматривать как наиболее правильный и чуть ли не единственно верный путь развития. Вообразите себе реакцию какого-нибудь Бугро или Энгра на работы концептуалиста Лучо Фонтаны<sup>3</sup>. Трудно представить, насколько глубоким был бы обморок. Ведь на современном рынке искусства доминируют именно работы с характером, необычным концептом или идеей, а не отточенное изобразительное мастерство. Как это связано с божественным имиджем художника? Ответ прост: мифы и занимательные истории вокруг художника продают больше работ. Культ художника стал в определённый момент решающим фактором востребованности работ того или иного деятеля искусства.

Немецкий маркетолог Клаус Шмиклер в своей статье для сборника «Об искусстве продавать искусство»<sup>4</sup> утверждает, что рынок искусства существует и работает по чётким правилам, вопреки расхожему убеждению о хаосе и вкусовых предпочтениях, согласно которым якобы приобретаются работы. Если раньше основным оценочным критерием считались мастерство художника или практическая ценность произведений искусства, которые были частью интерьеров, то искусство ради искусства весьма далеко от удовлетворения базовых потребностей.

По словам Шмиклера, рынок искусства – это большая пирамида. То, что мы видим на её вершине, – популярные произведения искусства, которые постоянно фигурируют в прессе и на телевидении. И так как в общественном сознании только они считаются пределом мечтаний, у покупателей складывается впечатление, что именно туда стоит вкладывать деньги, а у начинающих художников – что именно к такому искусству стоит стремиться.

Вырисовывается малоприятная картина: современное искусство есть то, что некто компетентный называет искусством. Причём исходит из того, насколько культовым, знаковым и востребованным является художник. И всё ради того, чтобы продать то, что, казалось бы, никому, кроме самих художников, не нужно. При таком положении вещей и продавцы, и сами художники непрестанно ломают голову над тем, как выделиться из общей массы.

---

<sup>3</sup> Отличительной чертой работ Лучо Фонтаны (Lucio Fontana, 1899–1968) стали порезанные холсты. *Здесь и далее примечания даны автором.*

<sup>4</sup> Schwarzer Y. Über die Kunst, Kunst zu verkaufen. Westerheide, 2004.



Натали Ратковски на пути в мастерскую художников-модельеров Марии Ерохиной и Алексея Батусова в Париже. Фото: Татьяна Люкс





Работа Олафа Хайека «Цветы разума», 30x40 см, акрил по дереву, 2011



## Хороший художник – мёртвый художник

Этот постулат прозвучал в одном из интервью журналистки Сары Торнтон<sup>5</sup> с сотрудником торгового дома Sotheby's в Нью-Йорке. Мол, творцы считаются непредсказуемыми и неудобными, к тому же действуют всем на нервы своими капризами<sup>6</sup>. Смерть художника многим на руку, ведь внезапно количество его работ на рынке становится ограниченным. Они превращаются в лимитированный эксклюзивный тираж.

Так это произошло в 1961 году с тем же «Дерьмом художника» (итал. Merda d'artista) итальянского художника Пьеро Мандзони (Piero Manzoni, 1933–1963). Автор объявил свои фекалии искусством, разложил в 90 пронумерованных консервных банок по 30 граммов «художественного продукта» и продавал «биоконсервы» до своей смерти в 1963 году по цене, равной стоимости золота той же массы. Но уже в 2008 году над «дерьмом на вес золота» можно было только посмеяться, ведь одна из банок была продана на аукционе Sotheby's в Лондоне за 130 тысяч евро<sup>7</sup>.

Впрочем, как это случилось и с работами Ван Гога. Цены на его картины всего через 20 лет после смерти художника взлетели настолько, что стали даже появляться искусные подделки его работ<sup>8</sup>. Для сравнения, Яну Вермееру пришлось «ждать» почти 200 лет, прежде чем цены на его полотна поднялись, а о нём самом узнали как о талантливом художнике.

Похоже, здесь есть над чем задуматься. Нам стоит хотя бы в собственных рядах не тиражировать миф о том, что судьба у нас, художников, такая – гореть искусством, сходить с ума и умирать не своей смертью.

## Смена имиджа – перемена участи?

В апреле 2015 года немецкий журнал Weltkunst ввёл новую моду, опубликовав в статье «Компас искусства» рейтинг 100 самых признанных и популярных художников мира. Таблицы и графики демонстрировали продаваемость работ отдельно взятых художников, которых теперь можно смело называть поп-звёздами искусства, и их значимость для общества.

Следом за Weltkunst известный немецкий журнал об искусстве Monopol стал публиковать свой топ-100. В первой десятке часто находился Герхард Рихтер (Gerhard Richter, род. 1932), немецкий художник-абстракционист, который начинал свою карьеру после войны как фотореалист. Он относится к числу самых состоятельных и уважаемых людей во всём мире. Другие имена из этого списка звучат не менее внушительно: Джефф Кунс (Jeff Koons, род. 1955), Брюс Науман (Bruce Nauman, род. 1941), Розмари Трокель (Rosemarie Trockel, род. 1952), Дэмьен Хёрст (Damien Hirst, род. 1965), Георг Базелиц (Georg Baselitz, род. 1938), Синди Шерман (Cindy Sherman, род. 1954), Ансельм Кифер (Anselm Kiefer, род. 1945), Нео Паух (Neo Hanno Rauch, род. 1960) и многие другие.

Удивительно, что почти все они производят впечатление скорее успешных бизнесменов в строгих костюмах, чем богемных художников. Стоит ли упоминать, что рассказов о пьяных эксцессах, злоупотреблениях наркотиками и отрезанных ушах, героями которых были бы эти люди, просто не существует в природе?

---

<sup>5</sup> Автор ряда бестселлеров об искусстве и ведущая онлайн-колонки журнала Artforum Сара Торнтон (канад. Sarah Thornton, род. 1965).

<sup>6</sup> [https://de.wikipedia.org/wiki/Merda\\_d%E2%80%99artista](https://de.wikipedia.org/wiki/Merda_d%E2%80%99artista)

<sup>7</sup> Seven days in the art world. New York: W. W. Norton & Company, 2010.

<sup>8</sup> Kaufmann H., Wildegans R. Van Goghs Ohr: Paul Gauguin und der Pakt des Schweigens, 2008.

Подобный деловой подход к творчеству и соответствующий вид уже сложно списать на случайность. Сейчас довольно многие художники осознанно игнорируют якобы устоявшийся образ нищего голодного творца. Делайте выводы.

Естественно, при правильном подходе «богемность» может пойти на руку художнику и его имиджу. Взять того же известного японца Такаси Мураками (###, род. 1962), живописца, скульптора и дизайнера<sup>9</sup>, который довольно часто выглядит как ошалевший манга-шаман. При этом Мураками – один из самых известных и высоко ценящихся художников мира, входит в десятку самых дорогих творцов современности, представлен в одной из самых известных галерей мира – Gagosian Gallery<sup>10</sup>, кроме того, он фабрикант, предприниматель, основатель фирмы Kaikai Kiki<sup>11</sup> с полком художников-ассистентов, иллюстраторов, дизайнеров, аниматоров, маркетологов и владелец целого ряда мастерских по всему миру. Весьма грамотная эксплуатация образа богемного, слегка сумасшедшего гения.

Подобный конформизм весьма распространён в мире искусства. Многие художники стараются вести себя так, чтобы соответствовать ожиданиям платёжеспособных заказчиков, покупателей, кураторов, коллекционеров и критиков. Даже создают произведения, которые лишь выглядят как то, что сейчас принято называть искусством. Только не у всех это «выстреливает». Миллионер Мураками может себе позволить играть в богемного сумасшедшего, имея за спиной прочный тыл. А вот польза подобного имиджа для начинающего художника – вещь весьма спорная.

Можно долго говорить об этичности конформизма, внутренней правде и о том, кому и что должен художник. Ясно одно: пора брать управление своей жизнью в собственные руки и действовать осознанно.

Чтобы изменить сложившуюся ситуацию и выработать те стандарты качества, которые соответствуют нашему времени и нашим собственным представлениям, нужно как минимум избавиться от сомнительных стандартов, навязанных прошлым. Ведь именно мы, творческие люди, оказываем огромное влияние на то, как именно выглядит наш мир и какими ценностями живёт.

Если мы, художники, не в силах изменить правила игры на современном рынке, который охотится в первую очередь за работами культовых художников безотносительно их мастерства и таланта, то, может быть, пришло время изменить представления о том, что такое культ? Ведь это та вещь, которую, в отличие от сложных механизмов продаж, именно художники в силах изменить.

Я за культ интересного, образованного, разностороннего, талантливого, здорового, полного сил и энергии художника, труд которого ценится еще при жизни и хорошо оплачивается.

---

<sup>9</sup> [www.instagram.com/takashipom](https://www.instagram.com/takashipom)

<sup>10</sup> [www.gagosian.com](https://www.gagosian.com)

<sup>11</sup> [www.kaikaikiki.co.jp](https://www.kaikaikiki.co.jp)

## **Художник – это звучит гордо**

В английском языке есть прекрасное ёмкое слово *artist*, которым описывают любого человека творческой профессии. Он может писать картины, создавать иллюстрации или фотографии, устраивать перформанс, заниматься дизайном и типографикой, музыкой и танцем, скульптурой или видеоартом. И всё равно его будут называть гордым словом *artist*.

В попытках найти русский эквивалент я вспомнила слово «творец». Однако, как показал опыт, многих оно пугает своим пафосом. И если слово «творчество» до сих пор существует – его пока не вытеснил «креатив», – то о художнике в широком понимании этого слова редко кто говорит «творец».

На замену этому термину пришли обесценивающие, ёрнические «творчеры», «креативщики», «креаторы», «художники широкого профиля». Меня даже пытались заверить, что слово «художник» допустимо лишь в отношении живописцев, а называть им музыкантов или дизайнеров значит вводить людей в заблуждение.

Словарь Даля говорит, что художник – это человек, посвятивший себя художеству, изящному искусству. Но с XIX века изменились не только времена и нравы, но и технологии, а с ними и представление о том, что считать искусством.

К искусству сейчас по праву относят не только живопись, но и перформанс, дизайн, скульптуру, иллюстрацию и многое другое, поэтому мы имеем полное право называть людей творческих профессий вполне легитимным словом «художник».

Большой толковый словарь русского языка отвечает на вопрос, кто такой художник, как нельзя более подробно.

### **ХУДОЖНИК.**

Человек, создающий произведения изобразительного искусства красками, карандашом и т. п.

Тот, кто создаёт произведения искусства, творчески работает в области искусства.

Тот, кто достиг высокого совершенства в какой-либо работе, кто проявил большой вкус и мастерство в чём-либо.

Итак, художник – тот, кто творит и живёт творчеством, а не тот, кто занимается исключительно живописью или умеет безошибочно применять в рисунке правило шара<sup>12</sup>.

Казалось бы, на этом можно поставить точку. Но оказалось, что у многих есть собственные внутренние установки, кому позволено называть себя художником, а кому нет.

## **Кто имеет право называться художником?**

Когда я спросила Эрика Шпикерманна (Erik Spiekermann, род. 1947), всемирно известного немецкого дизайнера и типографа, что для него означает быть художником, он отрезал: «Давайте остановимся на том, что я не художник!»

По мнению Шпикерманна, как типограф и дизайнер он не может быть художником, потому что профессиональный дизайнер решает чужие проблемы. Надо человеку оформить булочную – дизайнер должен предложить решение, как сделать это грамотно и в соответствии с ожиданиями потребителя. Если следующему клиенту нужно оформление театральных афиш,

---

<sup>12</sup> Изображение шара в рамках академического художественного образования с учётом светотени и тона предмета.

то и здесь дизайнер должен в первую очередь выступить советником, открыть клиенту глаза на его целевую аудиторию и характер постановок. Другими словами, у дизайнера, в отличие от художника, нет времени на поиски себя. У него даже нет времени на свой стиль, как, к примеру, у иллюстратора, потому что он вечно занят чужими проблемами. «Если я сам даю себе задание, то я художник и готов к неожиданным эффектам в результате моих опытов. Именно поэтому мне так важна разница между художником и дизайнером. Как дизайнер я работаю для других. Не то чтобы я не был себе важен в процессе работы, но результат моей работы как дизайнера важнее моих собственных предпочтений».





Эрик Шпикерманн в своей мастерской galerie p98a. Фото: Тетьяна Люкс

Кстати, я не могла согласиться с Эриком в том, что именно он не художник. Ведь тот факт, что художники получили в обществе статус аутсайдеров, начали искать свою нишу или посвящать себя искусству ради искусства, – сравнительно молодое явление. Во все времена скульпторы, живописцы или архитекторы были талантливыми ремесленниками – в этом слове нет негативной коннотации – и решали, выражаясь языком Эрика, чужие проблемы. Причём

вкладывали в каждый заказ не только собственные умения в соответствии с поставленной задачей, но и душу.

Когда я беседовала со знаменитым иллюстратором Клаусом Энзикатом (Klaus Ensikat, род. 1937) в его восточноберлинской квартире, тот тоже протестующе замахал руками: «Кто может зваться художником? Не я – это точно! Я обыкновенный ремесленник. Я и учился сначала на оформителя витрин, а потом так получилось, что пошёл в дизайн, стал рисовать – и довольно успешно». Для него, немецкой звезды детской книжной иллюстрации, художники – небожители.



Натали Ратковски в гостях у господина Энзиката в Берлине. Фото: Тетьяна Люкс

Не менее интересное определение тому, кто такой художник, дала и художник-керамист Барбара Хольтмайер (Barbara Holtmeyer, 1937–2016). Для неё творческий человек только тогда имеет право называть себя художником, когда дух времени пропитывает его работы. Потому что настоящий творец с умом подходит к решению проблем, и это заметно по его работам. Произведения художника должны, по мнению Барбары, отражать его эпоху и условия его собственной жизни. По её словам, это определение исключало из стройных рядов художников её саму. Барбара считала, что так и не смогла приблизиться к своему идеалу. «Я, скорее, нахожусь в состоянии “делаю сколько могу”. Керамика – важная часть моей жизни, про которую я не знаю, сколько её осталось». Барбара говорила, что со временем смирилась с тем, что её называют художником, потому что «людям “там, снаружи” тоже нужны какие-то ориентиры».

Художник-керамист Эля Ялонецкая, чем-то похожая на свои фигурки из глины, говорит так: «Художник – это человек с внутренней гармонией. Он зачастую не умеет рисовать, но у него есть чувство прекрасного. Это или дано, или нет. Художник талантлив во всем: театр, фотография, живопись. Если человек рисует калом – он не художник. Он всего лишь надевает маску “Я современный художник”. Я не понимаю перформансы. Брать публику скандалами – не искусство. Это умение шокировать».



Эля Ялонецкая в своей берлинской мастерской. Фото: Татьяна Люкс

Израильская художница Зоя Черкасская-Ннади на мой вопрос ответила коротко: «Кто такой художник, я определяю для себя просто: тот, чьи произведения лишены функциональности. Художник решает проблемы, стоящие перед современным искусством. А оно прежде всего говорит о себе самом. Оно может также говорить и о социальных проблемах, но уже во вторую очередь. В первую очередь – всегда о себе самом».





Художница Зоя Черкасская-Ннади в своей мастерской. Фото: Илона Гольдштейн

Итак, что же мы имеем? Расхождение взглядов? Мне близки слова знаменитого французского режиссёра Жана Ренуара, сына известного импрессиониста Пьера Огюста Ренуара. В одном из интервью он сказал, что самая большая задача искусства – открыть окно в нечто, что для простого обывателя осталось незамеченным. Когда мы его открываем – мы говорим с



публикой. По-дружески, по-приятельски. Именно в этом общении и есть квинтэссенция, сущность искусства<sup>13</sup>.

На этой ноте предлагаю остановиться на таком определении: художник – тот, кто творит и не может иначе.

Но с чего же начать? Как стать одним из тех, кто умеет управлять судьбами, настроениями и вкусами мира, причём делает это по-дружески, по-приятельски?

---

<sup>13</sup> Документальный фильм немецко-французского телеканала Arte Jean Renoir, französische Filmlegende («Жан Ренуар, французская легенда кинематографа»).

## 2. Как становятся художниками?

*В нашей власти не столько предохранить себя от ошибок, сколько не упорствовать в заблуждении.*

**Пьер Гассенди (1592–1655)**



### Больной вопрос, или Нужно ли образование?

Вопрос образования художника был и остаётся одним из самых часто обсуждаемых в творческой среде. С одной стороны, множество вузов творческой направленности безнадёжно устарели и придерживаются в своей преподавательской практике старых технологий и методов обучения. Согласитесь, тратить несколько лет своей жизни на вуз, который перестал шагать в

ногу со временем, мало кому хочется. С другой стороны, образование – это некая база, дверь в профессиональную жизнь.

### **Легитимное начало карьеры**

Не только в России, но и на Западе диплом художественного вуза – признанное начало карьеры творческого человека. В Америке так называемый Master of Fine Arts (MFA), полученный в престижном вузе, с 1960-х годов открывал двери галерей и музеев и считался ключом к успеху<sup>14</sup>.

Шотландский художник Томас Лоусон (Thomas Lawson, род. 1951), преподаватель одного из самых известных калифорнийских вузов – CalArts<sup>15</sup>, признался, что в конце 1980-х успешно защитить диплом можно было, работая только на уровне концептов и перформансов, без классических изобразительных приёмов. При этом, по мнению Лоусона, именно художник – человек, чья работа корнями уходит глубоко в визуальное. Ведь идеям нужно уметь придавать форму. По свидетельству Сары Торнтон, еще пару лет назад в CalArts не было ни одного педагога, который официально преподавал бы рисунок и живопись. А выпускники, которые старались работать в традиционной манере, попадали в невольную опалу<sup>16</sup>.

И какой же тогда прок от вуза, если действительно важным навыкам придётся обучаться самостоятельно и, чего доброго, дополнительно платить за это? Ведь та же CalArts – одна из самых дорогих школ. Обучение там, по словам Сары Торнтон, даже в далёком 2008 году стоило порядка 27 тысяч долларов в год.

И тем не менее именно вузы выпускают высококвалифицированных специалистов. Студент – это не сосуд, который нужно наполнить, а факел, который нужно зажечь. И если люди уже привыкли учиться и понимают механизмы приобретения навыков, освоение очередной техники не составит для них никакого труда. Ведь именно вуз учит структурированному подходу к освоению материала, задаёт направление и даёт базу, от которой всегда можно оттолкнуться.

Самоучкам же, автодидактам<sup>17</sup>, приходится доходить до всего самостоятельно и добывать знания и навыки методом проб и ошибок. При этом от них нередко ускользает общий спектр возможностей. Самоучки зачастую сомневаются в себе куда больше, чем выпускники вузов. Им чаще других приходится отстаивать свои позиции и даже стыдиться того, что они не получили официального образования. Но всё ли так просто и однозначно?

### **Удручающая рутина или необходимость?**

Я получала художественное образование в немецком Дортмунде<sup>18</sup>, и оно сильно походило на описанное выше в CalArts. В немецких вузах часто остро недостаёт десятков часов механической работы, от которых стонут в классических вузах. Считалось, что студент как-нибудь выкрутится. А если нет – значит, этот вуз не для него.

Да, в моём вузе были такие гениальные вдохновляющие вещи, как задания от всеми любимого фотографа Вальтера Зака (Walter Sack, род. 1939). Нам нужно было то передать через снимки несколько состояний белой кружки, то поведать зрителю с помощью фотографий о том, что такое угол зрения. Привет Баухаусу! Но работе карандашами, акварелью, акрилом

---

<sup>14</sup> Tornon S. Seven days in the art world. New York: W. W. Norton & Company, 2010.

<sup>15</sup> California Institute of the Arts (CalArts), [calarts.edu](http://calarts.edu)

<sup>16</sup> Tornon S. Seven days in the art world. New York: W. W. Norton & Company, 2010.

<sup>17</sup> Автодидакт (от др.-греч. αὐτός – «сам» и др.-греч. Διδάκτος) – «обученный».

<sup>18</sup> Dortmund University of Applied Sciences and Arts, [www.fh-dortmund.de](http://www.fh-dortmund.de)

или маслом и даже работе на компьютере приходилось обучаться самостоятельно путём проб и ошибок. И хотя умом я понимаю, насколько сильно преуспела в вопросах самообразования, в первые минуты общения с теми, кто «проходил» изобразительные техники под руководством наставника, я терялась. Меня не отпускала мысль, что они где-то учились по-настоящему, в то время как мне приходилось подтягивать свой уровень самой.

Лишь со временем я поняла, что некоторые из тех, кто «проходил по программе», прокалывались на элементарных вещах. Приходилось усилием воли приводить себя в чувство, гордиться собой и напоминать, что обучение – это только старт, торжественное зажжение «факела».

### **Образование: аргументы за и против**

Художница Зоя Черкасская-Ннади так говорит об образовании: «Хорошее художественное образование служит для художника серьёзным подспорьем, и не только в плане обучения рисованию. Это ведь еще и связи в художественном мире. Человек, окончивший одно из ведущих в стране высших учебных заведений, оказывается автоматически вписанным в художественную среду, в контекст. Многих звёздных выпускников сразу приглашают галереи. Собственно, это то, что произошло со мной в Израиле. Я училась в Midrasha LeOmanut, Beit Berl School of Arts<sup>19</sup> – одном из ведущих художественных заведений страны. По специальному разрешению декана меня приняли туда сразу на третий курс, так что я проучилась там два года. Мою дипломную работу приобрёл главный музей страны. Так что после учёбы у меня было сразу несколько предложений от галерей. Я стала работать с галереей Розенфельд и сотрудничать с ней до сих пор – уже около 18 лет».

Роман Клонек, дизайнер и художник-иллюстратор, поведал мне в личной беседе, что доволен своим выбором – посвятить несколько лет жизни высшему художественному образованию: «Я учился пять с половиной лет, и это было золотое время, когда я мог заниматься только тем, чем хочу! Во время учёбы у тебя есть всё: нужное окружение, вдохновение, занятия, люди со схожими интересами. Это весьма ценный период. Время игры, если его можно так назвать, когда есть возможность развиваться. Причём так, как это было бы совершенно невозможно без должной среды. Естественно, есть некое давление из-за экзаменов и оценок. Но если автодидакту нужна железная самодисциплина, у студента всё-таки есть люди, которые своим надзором помогают не расслабляться».

---

<sup>19</sup> [www.beitberl.ac.il](http://www.beitberl.ac.il)





Роман Клонек в своей мастерской в Дюссельдорфе. Фото: Тетяна Люкс

Известный немецкий иллюстратор детских книг Александер Штеффенсмайер, более известный как «папочка коровы Лизелотты», окончил Мюнстерский институт<sup>20</sup> по специальности «дизайнер графики и иллюстратор». На мой вопрос, нужно ли творческому человеку официальное художественное образование, ответил так: «Как правило, издательствам всё равно, есть у иллюстратора образование или нет. Результат важнее. Для меня лично образование было весьма ценным. Это было время, когда я мог спокойно искать свой стиль. Я приехал в город из маленькой деревни и совершенно не имел представления о том, как и что устроено. У меня было много предрассудков, от которых мне помог избавиться именно вуз. К сожалению, нам мало рассказывали о конкретных техниках работы, но хотя бы можно было понять, как подступиться к той же акварели. В конце концов, когда ты учишься, тебя несколько лет подряд мотивируют что-то делать! Интересно видеть, что делают другие, как решают те или иные задачи, что об этом думает профессор. Учёба многое мне дала».

---

<sup>20</sup> [www.fh-muenster.de](http://www.fh-muenster.de)



Александр Штеффенсмайер и Натали Ратковски в мастерской иллюстратора в Мюнстере. Фото: Тетяна Люкс

Парижский художник-модельер Мария Ерохина тоже подтвердила, что учёба – скорее счастье, чем наоборот, хотя и ответила поначалу, что многое зависит от человека: «Например, Анри Руссо нигде не учился, но это не мешало ему создавать гениальные произведения, в том числе и с профессиональной точки зрения. Про себя могу сказать: я счастлива, что получила образование. Я проучилась четыре года в педагогическом колледже на учителя изо, а потом шесть лет в Мухинской академии. Это были самые потрясающие годы моей жизни. Там я нашла своих лучших друзей-художников. Это время мне многое дало помимо знаний. Я могла бы быть и самоучкой – потому что рисовала задолго до обучения, но рада, что сделала выбор в пользу образования».

Её супруг художник-модельер Алексей Батусов был в этом вопросе куда категоричнее: «Если говорить о профессионализме, трудно себе представить художника, который ничему не учился. Мне вообще трудно вообразить такого самородка, который сам бы всего добился и ничему не учился. Многие упирается в навыки, а их ты можешь приобрести, только если у кого-то учишься. Как научиться писать и читать, если у тебя нет наставника? Теоретически можно представить, что есть люди, с рождения погружённые в себя. Но что они делают по жизни? Учиться сейчас можно по-разному и нужно нанизывать все возможные знания, как жемчуг на нить».





Художники-модельеры Алексей Батусов и Мария Ерохина с дочерью Машей в своей мастерской в Париже. Фото: Тетяна Люкс

Всемирно известный типограф и дизайнер Эрик Шпикерманн отреагировал на мой вопрос об образовании весьма эмоционально, подчеркнув: он против того, чтобы у людей было образование. Потому что их должно быть несколько! «Я знаю очень много людей, которые пришли в нашу профессию со стороны, и чаще всего это были не самые плохие специалисты. Потому что они нашли свою дорогу методом проб и ошибок и до дизайна занимались совсем

другими вещами. Если люди приходят сразу после школы – это катастрофа. Например, в Германии 18-летние абитуриенты идут учиться в вуз и в возрасте 23 лет становятся специалистами. Да они же так молоды – никакого опыта! Лучшие дизайнеры, которых я знаю, были до этого плотниками, печатниками, продавцами, учителями – кем угодно. Они пришли в профессию, когда им было далеко за 20, и это куда лучше, потому что они уже набрались опыта. Я не доверяю слишком прямым и стремительным карьерам. Сейчас особенно часто случается, что 20–23-летние получили образование и думают, что они уже всё знают. Работа дизайнера многогранна. Нужно не только оформлять, но и общаться с людьми, выступать в роли советника. А как можно что-то советовать, когда ты сам еще жизни не нюхал? Одно образование – слишком мало! Нужно как минимум два, чтобы быть успешным в нашей профессии, иначе как работать?»

Керамист Эля Ялонецкая на вопрос о её отношении к образованию ответила, что она в этом смысле старообрядец. «Моя дочь Полина очень хорошо рисует. Она хотела поступать в Берлине в наш UDK<sup>21</sup>. Я послушала и посмотрела, что там делают, и была в шоке. Мне не нравится современное искусство, в котором отдают приоритет рисункам кровью и калом. Я против подобного. Нашли в городе Халле одно заведение, там сохранилась старая школа живописи. Я настаивала, чтобы Поля поступала туда. Она поступила, совершенно не напрягаясь, но всё равно решила вернуться и поступать в UDK. А там её даже не допустили к экзаменам. Сказали, что она бездарна и даже если у нее есть талант, она не знает, как его применить. Просто дали пощечину. Я предложила ей не выбрасывать это письмо. Дочь согласилась, что, когда устроит свою первую выставку, повесит его в рамке. Я не приветствую, когда человек высасывает идеи из пальца. Он должен иметь хорошую школу за плечами».

Художник-иллюстратор Лев Каплан тоже был строг. За окном бушевала зима, а мы сидели высоко над Штутгартom в его небольшой квартире за кружкой чая и беседовали о жизни художников. По мнению Льва, существует три вида образования и все они имеют свои плюсы и минусы. «Художник может быть автодидактом. Но и автодидактизм предполагает образование – самообразование. Мне могут возразить, потому что есть Баския<sup>22</sup>, который совершенно не умел рисовать и был одним из самых продаваемых и дорогих художников. Но я люблю, когда художник умеет рисовать. Академическое образование – это когда тебе в руки жёстко дают ремесло. А, допустим, Штутгартская академия<sup>23</sup> – это тоже образование, но там тебе рассказывают, что ты должен быть очень творческим. А как ты воплотишь свою концепцию – это уже твоя проблема. И зачастую это выглядит убого. Для меня есть три ветви: академическое образование, некое образование и автодидактизм. Идеальный вариант для меня – это академическое образование плюс автодидактизм. Потому что если ты не идиот, то до креатива дойдёшь сам. Чем художник хуже хорошего врача? Почему врач должен знать, как лечить пациента, а художник не должен знать, как рисовать?»

Известный немецкий художник-иллюстратор Олаф Хайек дождливым берлинским днём в уютной мастерской в берлинском Кройцберге рассказал мне с нотками сожаления в голосе, что во время учёбы был многим недоволен. Ведь так много зависит от отдельно взятого преподавателя. Хотя в принципе он сторонник солидного художественного образования: «Я учился в Дюссельдорфе<sup>24</sup>, и меня очень смущало, что иллюстрации уделяли слишком мало внимания. То есть я ей не учился. Одним из моих профессоров был знаменитый художник-иллюстратор Вольф Эрлбрух<sup>25</sup>. К моему огромному сожалению, всё, к чему стремился этот преподаватель, –

<sup>21</sup> Universität der Künste Berlin (UDK) – главный художественный институт Берлина.

<sup>22</sup> Жан-Мишель Баския (Jean-Michel Basquiat, 1960–1988) – американский граффити-художник, неоксpressionист.

<sup>23</sup> Staatliche Akademie der Bildenden Künste Stuttgart, [abk-stuttgart.de](http://abk-stuttgart.de)

<sup>24</sup> University of Applied Sciences Dusseldorf, [hs-duesseldorf.de](http://hs-duesseldorf.de)

<sup>25</sup> Wolf Erlbruch (род. 1948) – немецкий художник-иллюстратор постмодернизма, автор детских книг.



растить маленьких Вольфов Эрлбрухов. Одна из моих сокурсниц, не буду называть имени – сейчас весьма успешный иллюстратор детских книг, – смогла всё-таки выработать свой стиль. Вот только слишком долгое время её стиль никак не отличался от техники учителя. Меня это угнетало! Я часто думал, что, будь я профессором, последнее, чего бы я хотел, – это чтобы росло поколение клонов. Но Вольфа Эрлбруха это устраивало».



Художник-иллюстратор Олаф Хайек в своей берлинской мастерской. Фото: Татьяна Люкс



Откусив кусочек шоколада, Олаф замер, как будто вспомнил что-то невероятно важное: «Я как-то посещал курс по созданию портретов в вечерней школе, и там разрешали работать сразу цветом. Тамошний преподаватель сказал вещь, которая меня вдохновила. Если он замечал, что у человека просыпалась жажда живописи, но он часами не мог вырисовать нос, то учитель предлагал оставлять работу без носа – главное, чтобы картина в итоге производила впечатление. Эта простая мысль позволила мне отступить от заточенного на академизм мышления».

По мнению Олафа, последнее, что должен делать иллюстратор, – это держать в голове академическую правильность рисунка. «Иллюстратор может быть и абстрактным, и наивным – возможно всё. Главное, чтобы иллюстрировалась заданная тема и узнавался индивидуальный стиль. Иллюстратору жизненно необходимо абстрагироваться от своих академических навыков рисунка. Эта идея помогла мне продвинуться куда дальше, чем навыки академизма. Именно поэтому так важны учителя, которые способны разглядеть талант и направить ученика в нужное русло. Но я до сих пор размышляю, как сложилась бы моя судьба, если бы всё-таки в моём вузе уделяли больше внимания иллюстрации».

## Пиетет

После первого технического образования я с большим пиететом относилась к образованию как к таковому. Учиться в Таганрогском государственном радиотехническом университете (ТРТУ) было тяжело: недосып, огромный объём материала, лекции, лабораторные, курсы, сессия со списком предметов, которые не перечесть на пальцах обеих рук. Несколько лет после учёбы мне снилось, будто я прихожу сдавать экзамен, тяну билет и понимаю, что ничего не помню и не знаю, – настолько глубокой была травма от постоянного стресса обучения в вузе. Прибавьте к этому, что я училась за 400 км от дома – хрупкий несчастный ребёнок – и была вынуждена сама обеспечивать свой быт и вести учёт финансов.

Потом был переезд в Германию. Я поступила учиться на графического дизайнера и иллюстратора в вуз города Дортмунда<sup>26</sup> «аж» в 22 года. Чужая культура, языковой барьер и предубеждение, что уже поздно начинать, заставляли меня сильно сомневаться в выбранном пути. К тому же с первых дней обучения я уже работала в дизайнерском агентстве и не могла всю неделю посвящать только учёбе. Когда у тебя уже есть работа по профилю и вполне сносные деньги, трудно заставить себя учиться и слушать абстрактные лекции, понимая, что добрую половину пропаханного можно смело отправить в мусорку. В итоге диплом графического дизайнера и иллюстратора я защищала в 27 и сильно стыдилась этого факта.

И как обидно потом слышать, когда любую заслугу учившихся людей обесценивают: «Конечно, они же учились!» Как будто это было легко и всё далось само собой, а потом ты готовый специалист – ни забот, ни хлопот до конца жизни.

Да, было бы здорово найти в профессии более короткие пути, пройти в каком-то месте по диагонали, а не обходить весь периметр. Потому что образование – это тяжело. Конечно, оно задаёт структуру, очерчивает своего рода границу базовых знаний, благодаря ему можно получить заготовленное направление – скелет – и потом уже наращивать мышцы, следить за их формой и поддерживать в тонусе. Но иногда оно ломает, отбивает всякую любовь к профессии, усложняет жизнь. Можно ли в таком случае осуждать самоучек, которые отказываются подвергать себя официальному образованию и пытаются приобрести необходимые навыки самостоятельно?

---

<sup>26</sup> [www.fh-dortmund.de](http://www.fh-dortmund.de)

## Антислово «самоучка»

Слово «самоучка» в русском языке часто употребляется с пренебрежительным оттенком, но это несправедливо. Есть разница между понятиями «автодидакт» и «дилетант».

В отличие от дилетанта с его ограниченными и поверхностными знаниями, автодидакт проявляет волю в самообучении настолько, что может применять свои знания для профессионального роста, общественного и научного признания.

Вот уже много лет я наблюдаю, как одни гордятся тем, что они самоучки, а другие стесняются этого факта. Причём те, кто гордится, вызывают волну негодования у тех, кто учился, и наоборот.

Художник-керамист Барбара Хольтмайер (Maria Barbara Johanna Franziska Holtmeyer, 1937–2016) по образованию была учительницей английского и французского. После долгих лет материнства – а у Барбары было четверо детей – в ней проснулось желание посвятить себя керамике. В начале своей карьеры керамиста она самостоятельно получила навыки работы с материалом вне стен учебного заведения. И, казалось бы, ей было самое время гордиться своими заслугами, но Барбара несколько сдержанно поведала мне, что долгое время стеснялась своего автодидактизма. «Я решила стать керамистом в довольно взрослом возрасте и пошла на курсы керамики в Народную вечернюю школу – VHS<sup>27</sup>, но уже там меня неожиданно спросили, не хочу ли я принять руководство этим курсом, потому что преподаватель как раз покидала школу. Позже я пошла на курсы повышения квалификации для художников, ходила на мастер-классы. Но в основном чтобы научиться выводить формулы глазури и разрабатывать их самостоятельно. Большого сожаления по поводу того, что у меня нет художественного образования, я не испытывала. Окружающие даже не подозревали, что я автодидакт. Я в общем-то всегда интересовалась искусством и даже хотела учиться в Ульме, но потом всё-таки решила посвятить себя языкам. А когда вернулась к искусству, у меня просто не было времени сетовать, что я не получила профильное образование. Я просто радовалась, что так сложилось и что у меня есть всё, включая искусство».

---

<sup>27</sup> Volkshochschule (нем.) – высшие народные училища с рядом вечерних курсов по изучению языков и ремёсел для повышения уровня образования населения. Вопреки дополнению Hochschule (вуз), подобные заведения не дают высшего образования и вузами не являются. Это исторически сложившийся тип школ, где взрослые люди могут обучиться дополнительному ремеслу, искусству или языкам в основном по вечерам.



Барбара Хольтмайер в своём доме в Оберхаузене. Фото: Татьяна Люкс

Эрик Шпикерманн со свойственной ему прямоотой отрезал: «Молодым я осваивал печатное ремесло на предприятии – то есть меня научили, я не учился этому самостоятельно. Зато научился всему остальному. Вообще, у самоучек есть большое преимущество. Когда учишься сам, то, как правило, делаешь больше ошибок. Ошибки – это хорошо! Потом ты точно знаешь, как правильно!»



Звезда восточногерманской детской иллюстрации Клаус Энзикат, напротив, в ходе нашей беседы довольно категорично высказался о самоучках. По его мнению, все они неважные иллюстраторы: «Без образования никуда. Совершенно никуда. Очень сложно найти “вход” в профессию, если не учился. В ГДР ходила такая байка-страшилка между художниками-оформителями, когда люди устраивались на работу: якобы шеф всегда знал всё лучше, потому что у него была дочка-школьница, которая тоже умела рисовать. И если художник создавал что-то, плоды его творчества выставляли на суд рабочих. В основном критиками были женщины-работницы, и нужно было пройти этот “Тест прачек”, как мы его называли. Все этого очень боялись. Так было не везде, но иногда случалось. Звучит как шутка, но, когда я сам с этим столкнулся, мне было не до смеха. От коллег из Гамбурга я слышал, что в начале 1970-х они пытались брать на работу самоучек и заканчивалось это печально. Был случай, когда на работу приняли человека, который до этого пас овец. О том, каких дров он наломал, ходили анекдоты. Образование очень важно. Человек тогда хотя бы немного готов к тому, что его ожидает в профессии. Хотя сюрпризы всё равно будут, конечно».



Иллюстратор Клаус Энзикат в своей берлинской мастерской. Фото: Татьяна Люкс

Видимо, слово «автодидакт» чаще всего используется неправильно. Например, и Барбара, и Эрик всё-таки у кого-то учились, посещали курсы и мастер-классы. А значит, их можно по определению исключить из рядов автодидактов.

Похоже, что автодидактов в чистом виде не существует в природе. Так или иначе всем приходится заниматься самообразованием или обращаться за помощью к наставнику — даже обладателям вузовских дипломов. Как сказал художник-модельер Алексей Батусов, нет таких

самородков. А учиться нужно и можно всему, нанизывая знания, как драгоценный жемчуг на нить.

Как только мы получаем советы наставника, мы перестаём заниматься самообразованием. Даже «самоучка» Ван Гог таковым не был. Ведь он обучался рисунку в Брюсселе в *École des Beaux Arts* в 1880 году, а ремеслу живописца – у Антона Мауве (Anton Mauve, 1838–1888), который был женат на двоюродной сестре Ван Гога. В 1886 году Винсент поступил в класс античного классического рисунка в Королевской академии искусства в Антверпене, а пару месяцев спустя, сбежав в Париж, отправился на курсы рисунка в *Atelier Cormon*, которым руководил французский художник-реалист Фернан Кормон (Fernand Cormon, 1845–1924)<sup>28</sup>.

### **Прелести и недостатки самообразования**

Внимательный читатель наверняка уже заметил, что большинство людей склоняются к официальному образованию, а возможность самообразования советуют рассматривать всего лишь как дополнительную.

А как же те, кто решил обойти необходимость получения государственного диплома? Неужели никого не интересует человек без диплома, который умеет делать свою работу так же хорошо, как тот, кто «подвергся» влиянию образования?

Например, у иллюстратора детских книг Лизбет Цвергер нет формального образования, и это не помешало ей добиться всемирной известности. Когда знойным летним днём в ее венском ателье я поинтересовалась, не сожалеет ли она о своём решении бросить училище, она задумалась. По словам Лизбет, этот шаг до сих пор вызывает у неё смешанные чувства. В основном потому, что в училище она пришла совсем ребёнком и большую часть времени была предоставлена сама себе.

---

<sup>28</sup> Skea, R., *Van Gogs Garten*. Leipzig: E.A. Seemann, 2011.





Иллюстратор Лизбет Цвергер в своей венской мастерской. Фото: Тетяна Люкс

«Почему я бросила учёбу? Это не было каким-то волевым честолюбивым решением, просто я встретила своего первого мужа, который меня очень вдохновлял. И тогда я подумала, что с таким же успехом могу остаться дома и начать работать, вместо того чтобы ходить в школу и ничего не делать. Я рада, что тогда решила именно так. Да, жаль, что мне сейчас приходится говорить: “Я бросила школу и учёбу”. Должна признать, что произносить это немного

стыдно. Наверняка было бы приятнее говорить: “Я окончила гимназию и вуз”. Но мне бы это не помогло. Хорошо, что всё было именно так, как было. Идеально, в общем-то».

К недостаткам самообразования можно смело отнести отсутствие какой-либо корочки, столь важной для трудоустройства и публикаций. К тому же многие самоучки остаются в изоляции и долгое время варятся в собственном соку. У многих из них также затруднён доступ к определённым творческим кругам, которые популярный сейчас деятель искусства Магнус Реш, упомянутый в главе [«Кто задаёт тон в искусстве, или Как стать успешным»](#), считает решающими на пути становления любого художника.

Также у автодидактов часто отсутствует полная картина того, что же именно нужно знать для работы в той или иной профессии, в то время как выпускникам вуза предоставляется заранее разработанная программа обучения. К тому же самообразование требует железной дисциплины.

С другой стороны, автодидакт имеет возможность следовать более коротким путём, приобретая какие-то базовые навыки, необходимые в профессии, и сам оценивать, в какой предмет ему стоит погрузиться глубже, а какой можно просто оставить за кадром. Автодидакты могут сами планировать время обучения: заниматься по вечерам или на выходных, не боясь плохих оценок, экзаменов, разборок с сокурсниками, – и не зависеть от мнения преподавателей.

Как бы там ни было, любое обучение – самостоятельное или официальное – достойно уважения.

## **Антислово «академизм»**

Одним прекрасным июньским утром мне настолько надоели споры знакомых художников по поводу того, что такое академизм, что я готова была объявить его антисловом столетия.

### **Что считать академизмом?**

Многие из тех, с кем я общалась на тему академического образования, утверждали, что академизм – это, как завещал великий Рембрандт, сотни часов натюрморта, прежде чем перейти к рисунку с натуры. Другие настаивали, что академизм – это Баммес<sup>29</sup>

---

<sup>29</sup> Готтфрид Баммес (Gottfried Bammes, 1920–2007) – немецкий художник и анатом, автор книг по анатомии для художников, ставших стандартными учебными пособиями в вузах по всему миру.



## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.